

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор ФГБОУ ВО

«Орловский государственный
университет им. И.С. Тургенева»

О.В. Пилипенко

2018 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

на диссертацию Жигульского Андрея Владимировича «Взаимоотношения власти и общества в 1930-е годы (на материале Тамбовского региона)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертационное исследование А.В. Жигульского «Взаимоотношения власти и общества в 1930-е годы», общим объемом в 223 страницы, по своим структурно-системным параметрам не вызывает замечаний. Актуальность темы, избранной соискателем для диссертационного исследования, бесспорна. В структурном отношении диссертация вполне традиционна. Она включает введение, основную исследовательскую часть, собственно фактографию и ее анализ, заключение и библиографию. Историографический анализ исследуемой темы и связанной с ней проблематики целесообразен. Объект, предмет, цель и задачи проводимого диссертационного исследования сформулированы четко и ясно. Количество и разнообразие источников, привлекаемых к исследованию достаточны и вполне удовлетворяют теме и цели исследования. Следует отметить использование источников личного происхождения, содержательно представляющих собой реакцию рядового населения региона на действия властей в ходе событий, происходивших в регионе в 1930-е гг. Характеристика источников, привлекаемых к диссертационному научному анализу, включая материалы нескольких архивов, впервые вводимых в научный оборот, квалифицированная и системно-структурирована.

Научная новизна, вытекающая из основных положений, выносимых на защиту, определена логично и обоснованно. Основные положения диссертации, выносимые на защиту, сформулированы ясно и вполне убедительны.

Основная исследовательская часть диссертации разделена на три главы, равных по объему, содержание каждой из которых концентрируется на ключевых аспектах диссертации, выделение которых и видение их в качестве ключевых, обоснованы соискателем. Каждая из глав завершается логично формулируемыми выводами по соответствующим разделам исследования. Особое внимание, научный интерес и привлекательность представляет третья глава «Власть и общество в 1930-е годы в оценках представителей различных социальных слоев (с. 156-219). Итоговое заключение не противоречит выводам по главам, но вполне удачно их обобщает и завершает всю совокупность проанализированных вопросов, согласуя, в целом, с целью и задачами, сформулированными во введении. В общем и целом прочитанный и критически проанализированный текст диссертации позволяет считать научное исследование добротным и квалифицированным с научной точки зрения и весьма успешным по своим результатам. Сам же соискатель, А.В. Жигульский своим диссертационным исследованием убеждает в том, что он является вполне состоявшимся ученым-историком, достойным присуждения ученой степени кандидата исторических наук. Хотелось бы, однако, обратить внимание на некоторые разделы и положения диссертации А.В. Жигульского, провоцирующих перспективную, на наш взгляд, научную рефлексию. Само по себе такого рода внимание указывает на бесспорные достоинства диссертации и несомненные вполне сложившиеся научно-исследовательские навыки соискателя. Тем не менее, полагаем необходимым и целесообразным для перспектив дальнейших, бесспорно плодотворных, научных изысканий А.В. Жигульского высказать некоторые пожелания и замечания.

Прежде всего, некоторые сомнения вызывает перечень «задач», поставленных для достижения цели исследования (с. 14). Формулировка четырех указанных задач не вызывает никаких сомнений в целесообразности их по-

становки. Но все они, в той или иной мере, имеют источниковедческий или методологический характер и относятся, главным образом, к 3-й главе. Однако почему-то в перечне задач нет ни одной, относящейся к содержанию, по крайней мере, 1-й и 2-й глав диссертации.

Было бы, на наш взгляд, целесообразно рассмотрение всех вопросов диссертации, в частности содержащихся в 1-й главе диссертации, посвященной «Структуре и характеру действий советской власти» в означенный период (с. 23 – 83), предварить общим социально-экономическим и социально-демографическим очерком состояния Тамбовского региона, в том числе в контексте РСФСР. Однако это (частично, что касается региональной демографии) делается почему-то лишь в 4-м параграфе 2-й главы «Итоги социально-экономического развития Тамбовского региона в 1930-е годы» (с. 146). В этом же параграфе, кстати сказать, допускаются некоторые положения, нуждающиеся, все-таки, в пояснении: как, к примеру, могло влиять введение паспортной системы на продовольственное обеспечение жителей города (с. 151).

Возвращаясь к 1-й главе, хотелось бы обратить внимание на некоторую, на наш взгляд, небрежность в отнесении тех или иных институтов государственной власти в те или иные ее структуры, их функционировании в системе советской власти. В частности, соискатель включает Красную Армию с структуру «органов государственной безопасности» (с. 34). Разумеется, армия в любом государстве обеспечивает одну из функций государственной безопасности – защиту от внешней вооруженной опасности. Но все-таки, общепринятое понятие «органы государственной безопасности» предполагает один из элементов государственной организации, вполне определенный – внутривнутриполитической безопасности. В СССР в 1930-е гг. таковым органом было ОГПУ, а с 1934 г. – НКВД (включая милицию), точнее, одно из управлений НКВД – ГУГБ (Главное Управление Государственной безопасности). Армия, в данном случае Красная Армия является, все-таки, органом не только государственной, но гораздо шире – национальной оборонной безопасно-

сти. При этом следует учитывать, что Красная Армия комплектовалась на принципах всеобщей воинской обязанности (не являясь профессиональной, не считая, разумеется, офицерский состав), а органы государственной безопасности комплектовались на тех же принципах, что и все остальные структуры госаппарата. Использование же частей Красной Армии на трудовом фронте, в подавлении внутренних беспорядков, выражавших недовольство части советских граждан (с. 34), официально не было предусмотрено самой властной системой. Соискатель, кажется, несколько преувеличивает роль Красной Армии в воспитании советской молодежи (с. 35), во всяком случае, до 1939 г., когда полностью отказались от смешанной системы ее функционирования, примерно, 70% воинских частей до 1936 г. были территориальными, т.е. рядовой контингент призывался лишь на, сравнительно, кратковременные сборы. Вряд ли в ходе этих сборов можно было эффективно осуществлять политическое воспитание личного (рядового) состава Красной Армии. Нуждается в пояснении и положение о том, что ОГПУ, в том числе и местные его управления, подчинялись партийным комитетам (с. 36).

Некоторые замечания и пожелания вызывает содержание раздела, посвященного исследованию «Репрессий в Тамбовском регионе» (с. 131 – 145). Прежде всего, выглядит несколько размытым по содержанию понятие «массовые репрессии», в понимании соискателя (с. 131). Традиционно принято применять это понятие к событиям 1937 – 1938 гг. (иногда начальной датой указывают 1936 год, а верхний предел продлевают за 1938 г.). Бесспорно, репрессии не прекращались, начиная с Гражданской войны. Однако направленность их и мотивация менялись. И «массовые репрессии» 1937 – 1938 гг. имели, все-таки, в значительной степени иную социальную адресность, нежели в предшествующие годы. И если соискатель использует понятие «массовые репрессии» применительно к 1920-м гг. (с. 131), то следовало бы это положение пояснить. Конечно, вопрос о «массовых репрессиях», как и о репрессиях в СССР вообще, самостоятельная тема, даже на региональном

уровне, поэтому желательно было бы более осторожное использование соискателем тех или иных понятий.

Соискатель указывает, что политическим репрессиям в Тамбовском регионе подверглось 28 тысяч человек (с. 144). Во-первых, было бы желательно указать, за какой период времени. Во-вторых, соотношение тех или иных репрессивных мер (расстрел, ссылка, тюремное заключение и т.п.). В-третьих, каково соотношение социальных групп репрессированных по их социальному состоянию на 1930-е гг. и по их происхождению. В-четвертых, как эта цифра соотносится к общей численностью населения региона, в таком случае, следовало бы указать динамику репрессий по годам. Наконец, в-пятых, были ли репрессии в отношении всех 28 тысяч человек необоснованными или наоборот, обоснованными, либо в какой степени обоснованными. Кроме того, было бы желательным уточнить, какая часть репрессированных шла по политическим обвинениям; или указанная цифра – это лица, подвергнутые только политическим репрессиям? Было бы интересно, в какой мере репрессиям 1930-х гг. подверглись лица, причастные к так называемой «антоновщине».

На с. 144-145, в выводах, касающихся роли и значения массовых репрессий 1930- гг., соискатель пишет: «Политическая обстановка в регионе накануне и о время исследуемого периода не предвещала столь массового террора». Однако далее, он несколько противоречит самому себе: «Однако проведение крупных социально-экономических преобразований в начале 1930 гг., которые сопровождалось волнениями среди населения и массовым голодом, во многом подтолкнули руководство на их проведение. У государства были объективные причины и цели этой кампании...». Указанные положения нуждаются в дополнительном прояснении. И далее вывод, как бы оправдывающий «массовые репрессии»: «Прекратили существование пережитки дооктябрьского общества (крестьянство, духовенство и т.д.) и построено новое советское общество. Главным свидетельством последнего стала Великая Отечественная война, где отчетливо видны единство общества и отсутствие

противоречий в нем. Благодаря террору партия ВКП(б) смогла добиться внутреннего единства по всем ключевым вопросам жизни государства, устранив несогласных из своих рядов. Проведение массовых репрессий сопровождало ускорению социально-экономического преобразования» (с. 145). Даже последний цитированный фрагмент порождает целый ряд вопросов, сомнений, уточнений и разъяснений. Во всяком случае, желательно было бы более осторожная и взвешенная оценка такого чрезвычайно сложного, трагического, противоречивого в социально-политическом отношении явления как «массовые репрессии». В частности это касается их роли в социально-экономических преобразованиях, а также (это особый вопрос) их влияние на начало Великой отечественной войны, ее ход и результат.

Приведенные выше сомнения, вопросы, замечания вряд ли можно расценивать как существенные недостатки представленного на отзыв диссертационного исследования А.В. Жигульского. Наоборот, чаще всего именно глубокое научное исследование, содержащее определенные, пусть частные, научные прорывы, новизну в выводах и вызывают вопросы, свидетельствующие об интересе, который оно рождает. Поэтому приведенные замечания, пожелания и вопросы не влияют на общую положительную оценку представленного отзыва.

Работа является законченным, самостоятельным исследованием, имеющим важное научное и практическое значение. Достоверность и обоснованность основных положений и выводов обусловлены методами исследования, адекватными его объекту, предмету, целям и задачам, а также непосредственным изучением источников. Личный вклад и научная значимость выводов соискателя не вызывает сомнений.

Результаты исследования, несомненно, могут и должны использоваться в дальнейших научных исследованиях и при разработке учебных и учебно-методических пособий по истории России первой половины XX вв., подготовке спецкурсов по исторической регионалистике, общих курсов по истории

СССР (России советского периода), интернет-контента патриотической и учебно-познавательной направленности.

Основные положения и выводы диссертации отражены в девяти публикациях, в том числе в четырех статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации. Общий объем публикаций 3 печатных листа. Автореферат диссертации соответствует ее содержанию и дает полное представление о ней.

Диссертация «Взаимоотношения власти и общества в 1930-е годы (на материалах Тамбовского региона)» полностью соответствует требованиям п. 9 Положения «О порядке присуждения ученых степеней» (Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор, Жигульский Андрей Владимирович, заслуживает присвоения ему ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв составлен доктором исторических наук, профессором С.Т. Минаковым и доктором исторических наук, профессором кафедры истории России Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева И.В. Гончаровой.

Отзыв рассмотрен и утвержден на заседании кафедры истории России Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, протокол № 3, от 29 октября 2018 г.

Заведующий кафедрой истории России,
доктор исторических наук, профессор

С.Т. Минаков

Почтовый адрес ОГУ им. И.С. Тургенева: 302026 Орел, ул. Комсомольская, 95, тел. (4862) 77-73-18; E-mail: rector@univ-orel.ru

Почтовый адрес исторического факультета: 302001 Орел, Воскресенский переулок, д. 5, учебный корпус №7, тел. (4862) 76-07-68;

E-mail: historiki-osu@mail.ru

Minaikov S.T.